

**Проблемы эффективности правовой политики России на Северном Кавказе
в XIX в. - начале XX в.**

Т.В. Фарои

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В статье проанализирована правовая политика Российской империи, проводимая на Северном Кавказе в течение XIX в. - начала XX в. По мнению автора, она заключалась в установлении режима законности и правопорядка. В статье сделан вывод о том, что главной проблемой для государства стал поиск оптимального соотношения обычного права, шариата и российского законодательства.

Ключевые слова: XIX - XX вв., Российская империя, Северный Кавказ, правовая политика, эффективность, законность, закон и порядок, правовой плюрализм, шариат, обычай, Ислам.

Правовая политика стала неотъемлемой частью политики, проводимая Россией на Северном Кавказе в XIX в. - начале XX в. Ее цель заключалась в установлении в данном регионе режима законности и правопорядка. По мнению российского ученого-юриста В.В. Момотова, правовая политика затрагивала интересы многочисленных слоев населения региона, формируя, тем самым, новые социальные структуры и изменяя облик местного общества [1, с. 117]. Отметим, что эта политика была эффективной, поскольку учитывала особенности развития данного региона, его многонациональный состав, а также обычаи и традиции местного населения.

Северный Кавказ всегда являлся уникальным самобытным регионом, для которого были характерны полиэтничность и полирелигиозность. Правовая культура в исламских регионах нашей страны и, прежде всего, на Северном Кавказе, ориентировалась на два основных элемента: обычаи (адаты) и шариат. После включения этих территорий в состав Российской империи основной стала проблема поиска оптимального соотношения действия адата, шариата и российского законодательства. Значительное внимание государственная власть уделяла обеспечению образования детям представителей коренного населения, справедливо полагая, что, получив образование в российских учебных заведениях, они станут «форпостами проведения российской политики на Северном Кавказе» [1, с. 119].

Проблема правового плюрализма всегда являлась актуальной для России, в том числе и для современной, однако пределы его допустимости в тех или иных самобытных регионах страны решался в разные исторические периоды неодинаково. В частности, в XIX в. Российское правительство столкнулось на Северном Кавказе с правовой реальностью, основу которой составляли такие социальные регуляторы, как адаты и шариат, взаимодействовавшие и сосуществовавшие здесь долгие годы. Шариат на Северном Кавказе распространился вместе с исламом. Однако Северный Кавказ был исламизирован неравномерно: в большей степени исламизации были подвергнуты территории Чечни, Кабарды, в меньшей – территории Северо-Западного Кавказа, населяемые адыгами. Поэтому значимость и применение норм шариата и адатов для данного региона была неодинаковой. Каким же стал механизм их взаимодействия? Его можно понять только при учете особенностей правовой природы шариата, который часто отождествляется с мусульманским правом.

В исламской традиции термин «шариат» используется для обозначения предписанного Аллахом пути, следуя по которому правоверный достигает совершенства мирского благополучия и может попасть в рай. Общий смысл данного понятия становится яснее, если учесть его происхождение от корня ша-ра-а, который неоднократно встречается в Коране в значении узаконивать, предписывать что-либо как обязательное [2, с. 120-123]. Одновремен-

но в исламской литературе утвердилось определение шариата как совокупности обращенных к людям предписаний, установленных Аллахом и переданных им через пророка [3; 4].

Ошибочно, как считает Г.М. Керимов, представление о шариате как о мусульманском праве. С его точки зрения, которую разделяет и большинство исследователей, шариат охватывает более широкий круг вопросов. В шариате освещаются, с точки зрения ислама, как светские, так и религиозные проблемы. В нем сведены в единую систему законы, регулирующие хозяйственную жизнь, нормы морали и этики, мусульманские обряды, праздники и др., что определяет поведение верующих и порядок жизни всей мусульманской общины [4, с. 3]. Шариат, в целом, называют божественным законом и это, прежде всего, религиозное, а не правовое явление. Он служит общей мировоззренческой основой для мусульманского права, которое называется фикх [2, с. 110]. В основу различия шариата и фикха положены правовые категории. Шариат включают все, обращенные к людям, предписания Корана и Сунны [2, с. 63-64, 102], а к мусульманскому праву относятся лишь те принципы и нормы, которые были разработаны или истолкованы доктриной и отвечают требованиям права.

Под адатом (от арабского – обычаи, привычки) принято понимать местные обычаи, правила поведения мусульман того или иного региона. В качестве специального термина, употребляемого в научном исламоведении, адат означает обычаи и традиции, регулирующие образ жизни мусульман, наряду с шариатом [2, с. 13]. Теоретически шариатские принципы и нормы признаются обязательными к исполнению и стоящими выше любых иных правил поведения, в том числе и адата. Однако в некоторых мусульманско-правовых толкованиях обычай рассматривается в качестве одного из дополнительных источников фикха по вопросам, неурегулированным Кораном и Сунной. Например, допускается широкое использование обычаев в частно-правовой сфере. В целом, мусульманско-правовая наука допускает использование адата лишь при условии его непротиворечия шариату.

Следовательно, основными социорегуляторами у исламизированных народов Северного Кавказа в XIX в. являлись шариат и адат. Как отмечают исследователи, вплоть до образования имамата Шамиля, адат, по существу, безраздельно господствовал в регионе как разветвленная система социальных норм, основу которой составляли местные обычаи, преимущественно, неисламского происхождения. Большинство из этих обычаев сложилось еще в условиях существования родоплеменных отношений и языческих верований.

Жизнь автономных горских обществ веками регулировалась собственными адатами, которые не стали едиными для всего Северного Кавказа. О силе этих обычаев свидетельствует тот факт, что даже утверждение здесь ислама не привело к полной замене их шариатом. Как отмечал А.И. Першиц, адатам тех народов, которые приняли ислам, было трудно противостоять шариату, и все же они противостояли. Вплоть до первой четверти XX в. в одних сферах жизни действовали адаты, а в других – шариат, в иных – смешение того и другого, по выбору заинтересованных сторон [5, с. 214].

Таким образом, шариат корректировался обычаями и допускался в той степени, в какой это позволял адат. Все это не противоречило постулатам ислама [2, с. 52-54]. Согласно преобладающему среди мусульманских правоведов мнению, обычай может служить оправданием даже отступлений от некоторых предписаний Корана и Сунны. Шариат позволяет интерпретировать и применять его нормы и принципы с учетом условий жизни мусульман, их обычаев и интересов, находить такие решения, которые идут в ногу со временем. В этом, утверждает Л.Р. Сюкияйнен, проявляется еще одна черта шариата – его гибкость и открытость, готовность сосуществовать с иными традициями и даже что-то заимствовать у них. Кроме того, было бы заблуждением считать, что в мусульманских странах всегда применялись и продолжают действовать лишь нормы, взятые непосредственно из шариата. Шариат и основанное на нем мусульманское право никогда не являлись здесь единственным законом.

Естественно, что в указанных условиях процесс адаптации права народов Северного Кавказа к российской правовой системе не мог протекать гладко и безболезненно. Между правовыми системами возникали коллизии, приводившие зачастую к серьезным конфликтам.

Вместе с тем, правовую политику России все же можно охарактеризовать как взвешенную и компромиссную. Государство осуществляло постепенную замену обычного права горцев и шариата общеимперским законодательством, не ставя при этом целью их полного вытеснения. Поэтому данный процесс растянулся практически на столетие, не носил радикального характера и оказался достаточно эффективным.

В ходе первоначального этапа реформы сохранялись основные нормы адата и шариата, был введен всесторонний контроль за их применением судами. Одновременно решался вопрос о сокращении юрисдикции религиозных и адатских судов, о ликвидации имевшихся в нормах адата и шариата пробелов в пользу российского законодательства. В.В. Момотов, рассматривая особенности правовой политики России на Северном Кавказе в изучаемый период, отметил, что использование традиций и норм обычного права этих народов в решении повседневных, как бытовых, так и сугубо юридических, конфликтов стало одним из эффективных способов влияния светской власти на общества Северного Кавказа. Через обычное право государственная власть реализовывала свою политику, тем самым способствуя мирному освоению Северного Кавказа. Примером могут служить родовые суды и родовые расправы, которые были учреждены в Большой и Малой Кабарде. Они должны были рассматривать тяжёлые дела и проступки согласно своим обычаям, а за тяжкие преступления – измена, разбой и воровство – отвечать по законам Российской империи. За соблюдением новых порядков в судебном процессе следили надежные русские офицеры [1, с. 118-119]. В продолжение определенного периода обычное право, шариат и российское законодательство сосуществовали параллельно.

Следующий этап был связан с ограничением сферы действия норм адата и шариата и предоставления альтернативных вариантов решения вопросов судами в процессе правоприменения. По утверждению Л.Г. Свечникова, реформой судопроизводства второй половины XIX в. российские власти пытались ослабить шариат и модернизировать адатное право, с целью подготовки постепенного перехода к единому российскому судопроизводству и уголовному законодательству [6, с. 131-132]. Так, в Терской области в 1868 г. на смену участковым судам пришли аульные (сельские) суды, которые на своих заседаниях рассматривали те же дела, что и их предшественники. Выбор судей и кадия [2, с. 59-60] зависел от администрации. Параллельно окружному и аульному судебным органам продолжал свою деятельность и посреднический (третейский или медиаторский) суд. Он собирался только для рассмотрения одного конкретного дела при обоюдном согласии истца и ответчика и при посредничестве одного или нескольких лиц, которые должны были исполнить роль судьи. Решение такого посреднического суда считалось окончательным, так как стороны давали слово, что согласятся с ним.

В 1870 г. Наместник Кавказа учредил Временные правила для горских словесных судов, которыми должны были руководствоваться новые судебные органы. Согласно этим правилам, судебную власть отделили от административной и военной. В горских словесных судах устанавливалась комбинированная система, включавшая возможность использования, как российского законодательства, так и норм шариата и адата. Согласно ст. 25 Правил, словесным судам были подведомственны уголовные, гражданские, шариатские и опекунские дела. Однако предписывалось председателю по всем уголовным делам строго ориентироваться на соответствующие статьи из российских судебных уставов 1864 г. Как отмечает П.Л. Бабич, судебная практика словесных судов «оказалась достаточно ограниченной в силу следующих причин. Во-первых, многие дела (например, дела об оскорблении и причинении побоев), попадавшие в эти суды, заканчивались еще до начала процесса с помощью медиаторов (т.е. посредников). Во-вторых, ряд дел (например, о причинении увечий людям и животным) эти суды сами отказывались рассматривать, отсылая потерпевшую сторону в медиаторский суд. В случае необходимости при разбирательстве дел об убийстве человека судьи обращались к норме адата, предусматривавшего за данное деяние выплату компенсации. При словесных судах функционировало и шариатское судопроизводство, которое сводилось к

рассмотрению дел, связанных с бракоразводными конфликтами и разделом наследства, на основе норм шариата и адата» [7, с. 26].

Практика показала, что, например, адыги по собственной воле редко обращались в горские словесные суды, поскольку в адыгских общинах существовало мнение, что такое обращение позорно. К тем людям, которые подавали жалобы в горские словесные суды, общинники относились плохо, ибо среди адыгов считалось, что хорошие отношения между участниками конфликта, урегулированного с помощью посредника, восстанавливаются быстро, тогда как между теми, кто судился в горском суде, — никогда не восстанавливаются. Между тем, несмотря на явно выраженный антирусский характер общественного мнения в области права, отдельные адыги настаивали на рассмотрении своих споров именно в горском словесном суде. Анализ причин их предпочтений показал, что в этот орган обращались те адыги, которые работали в сельском правлении, причем они хотели получить большую денежную компенсацию. В горском словесном суд зачастую обращались и те, кто не мог найти примирения в медиаторском суде, и, наконец, те лица, которые предпочитали российские уголовные законы [7, с. 26-27; 8, с. 148-150]. Следовательно, российское законодательство постепенно стало преобладать в публично-правовой сфере. Об этом свидетельствует также и организация системы управления.

С XIX в. в регионе начались активные административные преобразования: были созданы приставства, затем так называемое военно-народное управление [9, с. 201-203]. Система приставств вводилась в 1802 г. вначале для кочующих народов, а в дальнейшем — для всех народов Левого и Правого крыла Кавказской линии. Кроме того, была подготовлена почва для дальнейшего усовершенствования управления регионом: искоренялись старые родовые институты, вводилась административная определенность.

К окончанию Кавказской войны система приставств себя исчерпала, поэтому на смену ей пришла система военно-народного управления. Функции управления возлагались на русских офицеров, участие гражданских лиц было чисто номинальным. Как отмечает Л.Г. Свечникова, становление административных органов на Северном Кавказе имело две тенденции. С одной стороны, на управленческой структуре отражалось влияние военной обстановки в Кавказском регионе; с другой — по мере успехов России в военном плане и по мере заселения и экономического освоения Кавказа управление там приобретало черты, характерные для внутренних губерний России [6, с. 4-5].

Вопреки имеющим место представлениям о том, что режим, установленный у народов региона, являлся режимом военной оккупации и не нес для коренных народов ничего положительного, российская администрация на Кавказе предпринимала энергичные меры для установления нормального жизнеобеспечения коренных народов [8, с. 22-24]. Путем законодательства также регулировались вновь возникающие общественные отношения, вытесняя другие социальные регуляторы. В качестве примера могут служить аграрные преобразования, осуществленные на Северном Кавказе. К концу XIX в. - началу XX в. общероссийское законодательство расширило сферу своего действия в пространстве и по кругу лиц, оставляя для адата узкую частноправовую сферу (брачно-семейные отношения) и ограничивая шариат действием по чисто религиозным вопросам. На духовный суд возлагалось решение только тех дел, которые были связаны с религиозными нормами.

В целом, правовая политика России, проводимая на Северном Кавказе в XIX в. - начале XX в. являлась достаточно гибкой, маневренной, компромиссной, нацеленной на постепенное встраивание норм и институтов традиционного права в российское правовое пространство. Все это свидетельствует об ее эффективности.

Примечания

1. *Момотов В.В.* Особенности российской правовой политики на Северном Кавказе в XIX - начале XX в. // Правовые системы народов Северного Кавказа: история и современность (поиск диалога культур): Коллект. монография / Отв. ред. В.В. Момотов. — Краснодар: КубГУ, 2006. — С. 116-124.

2. Краткий словарь исламского права / Сост.: Л.В. Карнаушенко, И.С. Кич, С.А. Маркова-Мурашова (отв. ред.), Фарои Т.В., И.М. Хиль. – Краснодар: КубГУ, 2007. – 133 с.
3. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики / Отв. ред.: В.А. Туманов. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
4. Керимов Г.М. Шариат: закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. – СПб.: Диля, 2007. – 512 с.
5. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии: Сб. ст. – М.: Наука, 1979. – С. 210-240.
6. Свечникова Л.Г. Особенности проведения Судебной реформы 1864 г. на Северном Кавказе // Правовые системы народов Северного Кавказа: история и современность (поиск диалога культур): Коллект. монография / Отв. ред. В.В. Момотов. – Краснодар: КубГУ, 2006. – С. 131-152.
7. Бабич И.Л. Правовая культура адыгов (история и современность): Автореф. дис. ...докт. ист. наук / Спец. 07.00.07. – Этнография, этнология, антропология / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 2000. – 58 с.
8. Фарои Т.В. Правовое регулирование системы государственного управления и самоуправления на Кубани (конец XVIII – начало XX веков): Монография. – Краснодар: КубГУ, 2009. – 250 с.
9. Ломакина Т.В. (Фарои Т.В.). Проблемы реализации законности на Кубани в середине XIX века // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Мат-лы межвуз. науч.-теорет. конф. С.-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. – С. 201-203.

Problems of effectiveness of legal policy of Russia in North Caucasus in XIX century - early XX century

T.V. Faroi

*the candidate of jurisprudence, the senior lecturer
Kuban state university, Krasnodar*

Article analyzes the legal policy of Russian Empire, conducted in North Caucasus during XIX century - beginning of XX century. According to the author, it was the establishment of a regime of law and order. Article concludes, that main problem was finding the optimal ratio of customary law, sharia law and Russian legislation.

Keywords: XIX - XX centuries, Russian Empire, North Caucasus, legal, policy, efficiency, legality, law and order, legal pluralism, sharia, custom, Islam.

УДК 342.26(470.62)/340.5”18/19”

Основные источники и факторы правового сознания черноморского казачества

в конце XVIII в. - XIX в.

Т.В. Фарои

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В статье изучены источники и факторы, повлиявшие на формирование правового сознания черноморского казачества в конце XVIII в. - XIX в. Автор сделала вывод о том, что в правовом сознании казачества доминировали нравственно-религиозные нормы, обеспечивавшие приоритет морали, обычаев и традиций как регуляторов общественных отношений. В статье охарактеризован «Порядок общей пользы» – акт правотворчества черноморского казачества, составленный в 1794 г.

Ключевые слова: XVIII - XIX вв., Российская империя, Кубань, правовое сознание, Кубанское казачье войско, войсковая администрация, казачье самоуправление, фронтир.

Правовое сознание (правосознание), как известно, – это система идей, взглядов, представлений, чувств, эмоций и переживаний по отношению к государственно-правовым явлениям в целом, к их роли в общественной жизни. Будучи одной из сфер индивидуального, группового и массового сознания, оно имеет существенные особенности, отличающие его от других форм общественного сознания. Правовое сознание является неотъемлемой составной частью правовой культуры [1, с. 526-527]. «Культура, – как отмечал В.Ф. Шаповалов, – есть то, что создает и воспроизводит особенности менталитета, характера и разнообразных сторон жизни и общения людей» [2, с. 44].